

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

*Моему отцу,
командиру взвода дивизионных разведчиков,
младшему лейтенанту Карпенко Федору Федоровичу
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Часть первая

1. ОХОТА

1

Снег накануне несколько подтаял, за ночь подморозило, и потому наст держал. Федор шел не спеша. Лыжи, подбитые лосиной шкурой, лишь подламывали тонкую ледяную корочку. Солнце еще не выглянуло из-за кромки леса, но небо было по-весеннему высоким, безоблачным, что предвещало хороший день. Лес медленно надвигался темной стеной. Крайние ели, словно стражи, стояли, набычившись, касаясь нижними лапами снежного покрова.

Чуть познабливало. Не от морозца, нет! От внутреннего волнения — предвестника предстоящей охоты. К этой охоте Федор готовился больше месяца. Шутка ли! На медведя! Может, он и не пошел бы, да военком достал: «Тебе еще и восемнадцати нет, потерпи. Окончи школу... Приходи через год, тогда и поговорим».

«Через год... Через год и война уже закончится... Нет! Я докажу, что со мной так нельзя... — накручивая себя, размышлял Федор. — Силой бог не обидел, ростом тоже, да и весом, почитай, центнер. А главное, с раннего детства в тайге: стреляю, что из «берданки»,

что из карабина без промаха, следы читаю, с дедом на пару неделями в тайге промышлял... А что мне лет семнадцать от роду, так то разве причина в армию не призывать. Тимоху-то Пронькина, не в пример, еле ноги волочит от слабосилья, а забрали. Несправедливо это! Неправильно!»

Медвежью берлогу Федор заметил давно. Самого зверя не видел, каков он: матерый или так, не очень. Выбрал же берлогу потому, что оказалась самой близкой от заброшенной просеки, по которой можно будет добычу вывезти из леса. Пока что Федор ташил за собой санки, чтобы было на чем шкуру и медвежью голову везти, а уж за тушей... у председателя колхоза придется просить лошадь. В том, что он завалит медведя, Федор не сомневался. Не раз видел, как охотники брали матерых на ножи. «Дело нехитрое, — продолжал он размышлять, ритмично переставляя лыжи. — Поднять медведя... а встанет на задние лапы, булаву ему в морду... и ножом в сердце... Главное тут, чтобы нож меж ребер прошел...»

Видеть-то Федор подобные схватки со зверем видел, но тогда на страховке у поединщика до пяти охотников было, а он сегодня один, некому его подстраховать. Война! В первый месяц почти всех мужиков из деревни побрали. И понятно! Охотники! Кому, как не им, воевать. С детства к оружию привыкшие. Отец тоже охотником знатным был, да не повезло ему. С медведем схватился один на один. Булаву-то, обитую медными шипами, он мишке в морду сунул, тот схватил ее, да, видимо, наколовшись, отпустил...

и навалился на охотника. Только через двое суток истерзанное тело нашли. Но Федор об этом не думал. «Дед-то вон сколь матерых завалил, и ничего...» Правда сказать, дед был более двух метров ростом, весил сто сорок килограммов, и силушки на всю деревню хватало. Бывало, в праздник мужики напьются, задержатся, бегут бабы к деду: «Федор Федорович, уйми ты мужиков, не дай бог покалечат друг друга». И унимал. Подхватит оглоблю или жердину из изгороди выдернет и ну ею охаживать буйных. Федору-внуку еще ой как далеко до Федора-деда. Вот и сегодня... чуть свет пошел в тайгу, а деду не сказал. Отговорил бы старый или следом увязался. Хотя и могуч дед, а ему-то уж девяносто семь... Поберечь надо старого...

Вот и примеченное место. Меж двух ветром вывороченных с корнями сосен и устроил себе мишка берлогу — парок еле заметно вьется из-под снега, как раз меж корней.

«Спит косолапый, — усмехнулся Федор. — Ну, я сейчас устрою тебе побудку!»

Федор убрал в сторону лыжи, санки. Вскарabкавшись метра на три на подсыхающую сосну, на сучок повесил карабин. Это на всякой случай. Коли завалить медведя не удастся, то дерево и карабин на нем могут спасти охотнику жизнь. На земле, тем более по снегу, от разъяренного зверя не уйти.

Из укромного места Федор вытащил лопату и принялся расчищать от снега место предстоящей схватки. Молодой охотник давно уже все продумал и даже длинную жердину, которой собирался будить зверя, приготовил заранее.

Отдохнув, он решительно взялся за очищенную от веток и от коры лесину.

Где находится вход в берлогу, Федор высмотрел давно и теперь безошибочно воткнул заостренный конец жерди сквозь засыпанные снегом ветки во что-то мягкое. «Попал, — радостно екнуло сердце, — с первого раза!» Молодой охотник принялся ворочать жердиной из стороны в сторону. Вскоре ледяная корка пошла трещинами, ветки, прикрывавшие вход в берлогу, с треском и комьями снега разлетелись в стороны, и хозяин берлоги с ревом показался из открывшегося черного зева. Свет ударил зверя по глазам, и тот отчаянно тер их, захватывая лапой снег. Вдруг он замер, увидев того, кто потревожил его сон. Взревев, он поднялся на задние лапы. Федор только и ждал этого момента. Он ткнул шипастой палицей медведю в раскрытую в оскале пасть и отдернул, опередив на какое-то мгновение могучую лапу зверя. Шагнув вперед, Федор еще раз ткнул палицей в медвежью морду. Зверь обеими лапами ударил по утолщению палицы, нанизывая их на острые треугольные грани шипов. От боли зверь заревел и еще сильнее сжал палицу. Федору показалось, что медные пластины, на которых находись шипы, лопнули. Извернувшись, охотник выхватил из-за пояса полуметровый нож и всадил его по самую рукоять зверю под левую лопатку. Медведь продолжал стоять.

«Неужто промазал?!» — запоздало мелькнуло в голове, но рассуждать было некогда. Федор метнулся к спасительному дереву. Через какое-то мгновение он уже был на сосне метрах в шести от земли и привычно

передергивал затвор карабина. Страху не было. Он просто не успел испугаться.

«Только бы не дрогнула рука!»

Федор прицелился, метя в глаз зверю, который только сейчас разомкнул лапы и правой ударил по рукояти ножа, сломав ее. Из раны хлынула кровь. Сделав шаг, он захрипел и повалился на окровавленный снег.

Выждав какое-то время, Федор спустился с дерева и осторожно приблизился к поверженному зверю. Только сейчас он обратил внимание, насколько тот огромен, и только сейчас пришло осознание содеянного. «Оступись или окажись медведь чуточку проворнее, и не он, а я бы сейчас лежал на окровавленном снегу».

Освежевать лежащего медведя, как планировал Федор ранее, не представлялось возможным, а подвесить его за задние лапы и потом снять шкуру не хватило бы сил, да и веревку с собой он взял короткую. Забросав добытого зверя снегом, чтобы не так быстро остывала туша, молодой охотник устремился в обратный путь.

Председатель колхоза поначалу не поверил, что семнадцатилетний, пусть даже крупного телосложения, парень завалил матерого медведя, но, поразмыслив, дал не только лошадей, но и отрядил двух мужиков-охотников. Каково же было его удивление, когда тройца вернулась. Медведь был настолько большим, что задние лапы, свисая с саней, волочились по снегу.

Прослышав об удачной охоте, дуплинские к зданию сельсовета собрались быстро. Окружив сани,

женщины охали и ахали, всплескивая руками, мелкота крутилась, верещала тут же и, стремясь выказать бесстрашие, таскала медведя за уши, тыкала пальцами в ноздри, девчата, собравшись отдельной стайкой, шепетали о чем-то своем, не без интереса поглядывая на Федора, словно впервые его видели, опытные же охотники похлопывали его по плечу, приговаривая: «Молодец! Хорошего зверя взял!» Дед пришел одним из последних. Поглядев на трофей внука, лишь осуждающе покачал головой. Отойдя в сторону, смахнул слезу и больше для себя, нежели чем для стоявших рядом соседей, сказал: «Силушкой бог наделил, а ума не дал!»

2

Вызова в военкомат Федор ожидал с нетерпением, но и побаивался: «Чего еще там райвоенком удумал?!»

Но, войдя в кабинет и увидев улыбающегося майора Фирсова, просветлел и сам.

— Ну что, герой, неужто верно народ сказывает: под четыре центнера медведя завалил? Да-а. Не всякому опытному охотнику такое под силу. И что, ножом?

Федор, засмущавшись, кивнул.

— Кто бы рассказал — не поверил. Но мне ваш председатель шкуру показывал. Хороша, хотя и не выделанная еще. мех плотный. Да и сальце, поди, зверюга еще не все сжег, март только начался. А ты чего у двери топчешься? Проходи, садись, — широким жестом майор указал на стул. — Я вот для чего тебя пригласил... Ты в армию-то еще не раздумал идти? А то председатель ваш, хотя тебе еще год до восем-

надцати, а он уже о брони на тебя печется. Говорит, место работы подыскал — механиком на маслозавод.

— Нет, — мотнул головой Федор. — Только на фронт.

— Я так и думал. Парень ты упертый, целеустремленный, потому помогу. С заведующей районо договорился: свидетельство об окончании школы выдадут досрочно. Да и не велико нарушение — до окончания учебы осталось всего два месяца. А вот справку с нужным годом рождения только сельсовет выдать может. Пусть твой дед переговорит с председателем. Ему-то уж, верно, он не откажет. А Федору Федоровичу скажи, что, мол, майор Фирсов направит тебя в офицерскую школу в Новосибирск. Шесть месяцев учебы... Офицером станешь. Дед знает, мое слово верное.

Возвращаясь из района, Федор всю дорогу прокручивал варианты разговора с дедом. Как-то он поведет себя, узнав, что с военкоматом вопрос решен и осталось только в сельсовете справку выправить. Поможет ли? Строг дед. Решив однажды, что бык, упрется рогом в землю — не столкнуть. А то еще... несмотря на то что внук вымахал ростом, может и наподдать. Но не тумакон страшился Федор, ему-то не впервой. Бывало, на праздниках с соседскими парнями из Соколовки сходились дуплинские молодцы стенка на стенку — и ему доставалось, и от него тоже перепадало. Боялся же он, что дед запретит ему идти в армию. Скажет, чтобы ждал своего года призыва, и уже тогда проси не проси его, своего решения не изменит.

За ужином дед молчал, лишь изредка из-под нависших бровей поглядывал на внука. Видел, что тот мается, не решаясь начать непростой разговор. Сам-то Федор Федорович еще по возвращении внука из района по его восторженным глазам понял, что военком сдался, догадался и о чем пойдет речь, но помалкивал. Лишь когда с ужином было покончено, а внук так и не решился на разговор, спрятав усмешку в бороду, сказал:

— Я договорился с председателем колхоза: лошадь дает на два дня. Будешь перевозить сено для нашей коровки с дальнего покоса...

— Да я же... — начал было Федор, но дед его перебил:

— Перевезешь сено, а потом иди воевать, не держу. В нашем роду от войны не бегали: ни прадед мой, ни дед, ни я. Две войны прошел — Мировую и Гражданскую. На Финскую вот только не взяли, стар, говорят.

— Деда, а с документами поможешь?

— Помогу. Выправим тебе бумаги.

Через неделю Федора провожали в районный военкомат. Пришли парни из класса, девчонки, правда, не все. Но Анна, что ему последние два года нравилась, была среди одноклассниц. Проводы прошли как-то тихо, по-деловому, без песен и самогонки. Дед несколько раз обнес медовой брагой гостей, сказал внуку напутствие, на том и разошлись. Понятно... шел март 1942 года. Уже больше десятка семей в деревне получили похоронки. Не до веселья.

Федор, провожая Анну, лишь у самой калитки поцеловал ее впервые: торопливо, неумело, в краешек губ.

— Я дождусь, ты только вернись, — проговорила она тихо. — И за дедушкой твоим присмотрю... Ты за него не тревожься. И вот еще что, — отстранившись от Федора, строго заговорила девушка: — Я за столом молчала, но теперь скажу: немцы не медведь, перед ними удаль молодецкую показывать незачем, не оценят. Отец с фронта пишет, что лютуют фашисты. От Москвы их погнали... но это только начало. Ты — охотник, тебе ли не знать, что раненого зверя опасаться более всего надобно. Так что воюй с опаской, береженого и бог бережет!

Анна решительно обхватила голову Федора, наклонила и поцеловала... долго, страстно, по-настоящему.

«Вот те и тихоня! — мелькнула мысль. — И говорит толково!»

Стояли, обнявшись, еще часа два. Говорили мало, больше целовались, а расстались, лишь когда ноги в валенках замерзать начали и щеки загорелись не от страсти, а от мороза. Зима не хотела уступать весне. Март. А в марте еще и морозы, и метели... Сибирь, и этим все сказано.

3

Майор Фирсов, вручая предписание, напутствовал:

— Начальник школы — мой друг, вместе на Дальнем Востоке службу начинали. Я ему о тебе написал.

Так что ты меня не осрами, учись хорошо, на фронт не рвись, еще успеешь. Война, судя по всему, будет затяжной. И вот еще что: едешь один, в сопровождающие дать некого. Здесь на поезд посажу, а уж в Новосибирске воинскую часть ищи сам. Обратись к военному коменданту, поможет.

Через четыре часа Федор уже ехал в переполненном вагоне пассажирского поезда и смотрел в окно, за которым сплошной черной полосой проплывал лес, лишь изредка разрываемый огнями маленьких станций.

То, о чем мечтал последние полгода, свершилось: он едет на фронт. Хотя еще не совсем на фронт, но скоро там будет. Почему же нет радости, а на душе тоскливо? Не потому, что на фронте могут убить. Нет. Смерти Федор не страшился. По молодости уверен был, что она его минует. Тогда почему? Из-за деда — единственного родного человека, связывавшего его с родной деревней, с прошлой жизнью? А может, из-за Анны? «Чего же я, дурак, ходил так долго вокруг да около... Когда теперь встретимся?»

II. ШКОЛА

1

В Новосибирск поезд пришел рано утром. Вокзал еще не шумел, не горел своей суетливой жизнью, хотя в зале ожидания яблоку негде было упасть. Половину зала занимала воинская команда, ожидая сборного эшелона из Барабинска, на лавках, а большинство на полу, подстелив под бок что придется, располо-

жилаась гражданская публика: кто сидел, кто спал, а кто тихонько разговаривал.

Военного коменданта Федор нашел быстро. Предъявив предписание, попросил помочь.

Усталого вида капитан, возвращая документы, сказал:

— Повезло тебе, парень. В шесть утра машина должна прийти из воинской части, которая тебе нужна. Так что будь поблизости.

Не успел Федор еще отыскать себе место, как рядом с ним оказался мужичонка лет сорока, в телогрейке, шапке-ушанке, вида неприметного, заросший волосом, как говорится, по самые брови.

— Иди за мной. Дело есть, — проговорил он мимоходом и направился к еще не занятому никем простенку возле полуколонны.

Федор последовал за ним, недоумевая, зачем он тому понадобился.

— Я видел, как ты разговаривал с комендантом. На призывной пункт собрался? — озираясь по сторонам, спросил мужчина.

— А тебе что до того? — насторожился Федор.

— Хочу предложить выгодное дело: на призывном все вещи отберут, переоденут в военку, а на тебе такой тулуп... Загляденье, а не тулуп.

— Да. Дед шил. Из медвежьей шкуры...

— Так вот я и говорю: зачем такое добро даром отдавать. Складские все равно его за водку на сторону загонят. Давай меняться: я одежонку попроще найду тебе по плечу, да еще денегат накинута. В обиде не будешь...

— Нет, — решительно боднул головой Федор. — Иди, куда шел!

— Как скажешь. Только я хотел по-хорошему. Вскоре мужик уже был у выхода из вокзала.

— Правильно сделал, что его отшил, — подала голос сидевшая на узлах пожилая женщина. — Тут, на вокзале, немало шушеры всякой ошивается. Все норовят что-нибудь умыкнуть. Народу-то много...

— А как же патруль? — кивнул Федор в сторону проходивших военных с красными повязками на рукавах шинелей.

— Военные-то? Так они все больше за солдатами присматривают. Им не до воришек... О! — кивнула в сторону женщина. — Уж не по твою ли душу компания...

Федор скосил глазом: перешагивая через расположившихся на полу пассажиров, в его сторону направлялись трое — два дюжих коренастых мужика, похожих одеждой на путейских рабочих, а третий — уже знакомый ему прилипало. Подойдя вплотную, один из путейских хрипло выдавил:

— Сымай, паря, тулуп. Он тебе ни к чему, а нам сгодится. Будешь артачиться, подколем. А ты, баба, молчи, коли жить хочешь, — пригрозил он ножом приподнявшейся было с узла женщине.

Федор понял, что разговорами дело не закончится. Поэтому поступил, как в драке, на опережение: перехватив левой рукой запястье противника с ножом, кулаком правой обрушил удар сверху на голову, но не напавшему, а его напарнику. Да так сильно, что тот, хрюкнув, повалился на женщину, что сидела